

А. В. ШИПИЛОВ

О ДВИЖЕНИИ И ПОКОЕ

Что представляет из себя движение? Что значит «нечто движется»? И как можно все это мыслить?

Нечто, или вещь, – это всегда что-то одно, отличающееся от чего-то иного. Если мы говорим, что вещь движется, значит, тем самым мы предполагаем наличие вещи, отличающейся от данной, что только и делает последнюю тем, что она есть. А так как она есть вещь движущаяся, то вещь иная соответственно будет вещью покоящейся.

Движение, таким образом, взятое как одно, требует покоя как иного; движение и покой соотносительны, коррелятивны. Вещь движется относительно другой вещи – та относительно нее покоится; вещь покоится относительно другой вещи – та относительно нее движется. Вещь движущаяся делает иную вещь покоящейся, а вещь покоящаяся определяет собой движение вещи движущейся. Будучи пределом покоя покоящейся вещи, вещь движущаяся отрицает последнюю, будучи полагаема ею, и наоборот: они взаимоположны и взаимоотрицательны, ибо одно и иное суть. Но что движет движущееся и дает покой покоящемуся?

Если вещь движется, значит, она получает свое движение от какого-то постороннего источника – другой вещи; если вещь покоится, то это происходит благодаря тому, что она как-то соотносится с другой вещью, которая и сообщает ей покой (чашка стоит на столе). Но это еще не решение проблемы: ведь остается неясным, что движет тем, что движет вещь, и что покоит тем, что сообщает вещи покой?

Эти ряды можно строить до бесконечности – но в этом случае нужно разобраться с этой бесконечностью. Мы можем представить это так: мы дошли до предела движения и покоя, найдя вещь, которая всем движет, и вещь, которая сообщает покой всем остальным вещам. Вещь, которая движет всеми вещами, не может двигаться

сама – ибо нет больше ничего, что могло бы сдвинуть ее с места; а раз это так, то эта вещь будет покоиться. В свою очередь, вещь, которая покоит всеми остальными вещами, не будет в состоянии покоиться сама – ведь в мире не осталось больше ничего, что бы могло сообщить покой ей самой; следовательно, она будет двигаться. Недвижимое движение и беспокойный покой – вот что мы получили в конце концов; ведь наши последние вещи – это уже не вещи, а пределы вещиности вообще. Действительно, мы знаем, что вещи движутся и покоятся друг относительно друга; наши же вещи абсолютны. Взятые инфинитезимально, вещи, которые движутся и покоятся сами по себе, вне отношения ко всему, кроме себя, перестают быть вещами и обращаются в движение и покой. Субъективация предикатов десубъективирует субъекты, низводя их на роль предикатов: если бегун будет «бежать бегом» до бесконечности, то финиша достигнет «бег, бегущий бегом».

Инфинитив здесь неспроста: эти наши вещи, которые движут и покоят универсум в своем покое и движении, неопределены, так как сами функционируют в качестве пределов. Пределы беспредельны: поэтому предельное движение так неподвижно, а предельный покой столь беспокойно движется. Да и где еще может двинуться движение, как не в покое, и где еще упокоиться покоем, как не в движении?

Получить свою предельность пределы могут, лишь определив собой беспредельную вещь, иначе они останутся неопределенными. Это у нас и происходит, когда от чистого движения и чистого покоя как пределов движущейся и покоящейся вещи мы возвращаемся к вещи, которая уже не движется движением и покоится покоем, а движет движение и покоит покой, причем движет, покоясь, и покоится, движась.

Иначе говоря, вещь производит свое движение и покой как единое и складывается из их корреляции как целое; неопределенное порождает из себя пределы и соотносит их в себе как определенном. Структура вещи тождественна структуре универсума, и то, ради чего мы устремлялись к пределам последнего, мы могли получить, не выходя за пределы первой. Ведь вещь для нас изоморфна вещиности, и реальность мы берем как вещь, в связи с чем и логика наших рассуждений одна и та же.

Вещь, движущая собой все остальные, дереализуется и обращается в чистое движение, в движение, которым ничего не движется, т. е. движется ничто. Движение ничто тождественно отсутствию движения – иначе говоря, покою. Так же вещь, покоящая все прочие, сама становится покоем, но этот покой, которым покоится все, должен быть чем-то положен, а полагать покой имеет возможность лишь движение. В промежутке же между этими границами, т. е. в реальности как таковой, мы имеем движение одного, тождественное покою иного, и покой иного, тождественный движению одного.

Как единое, вещь не будет ни двигаться, ни покоиться, а как целое, она будет и двигаться, и покоиться; взятая как одно-иное, она будет двигаться, покоясь, и покоиться, двигаясь. Рассматривая вещь как взаимоотношение данных предикаций и получив предварительно их из нее же (движение и покой вещи произведены вещью в движении и вещью в покое), мы получаем движение покоящейся вещи и покой вещи движущейся.

Попробуем представить все это наглядней. Вот бежит по дороге собака. Собака движется относительно дороги, дорога покоится относительно собаки. Но дорога и собака вместе движутся со всей нашей планетой относительно Солнца и наоборот; ища пределы движения и покоя, мы приходим к началу движения и концу покоя – понятно, что это значит. Но нам не стоит выходить на дорогу, если у нас нет желания ходить до бесконечности; чтобы решить нашу задачу, хватит и одной собаки.

В качестве единого собака (взятая в своей нерасчлененной бесформенности и неопределенности, как некая клеточная биомасса), понятным образом, не движется и не покоится: движение и покой требуют соотношения, а единое исключает собой даже и простое отношение. Если взять собаку как одно к иному, то собачьи лапы будут двигаться относительно покоящегося хвоста (т. е. всего остального, что есть в собаке, кроме лап), и наоборот. Однако этим мы уже превратили собаку в целое; но движется или покоится целое относительно частей, и наоборот? Движется ли собака относительно своего хвоста? А покоится ли она относительно его? Движется ли собачий хвост относительно собаки? Или он относительно нее покоится?

Нам представляется следующее: части движутся лишь относительно других частей, а целые – относительно других целых; иначе говоря, мы в любом случае сталкиваемся с отношениями одного и иного, а не одного-иного к целому. Движение и покой части относительно целого означает, что это целое само полагается как часть – иначе оно будет двигаться и покоиться относительно себя самого. И наоборот: целое покоится и движется относительно своих частей лишь тогда, когда они полагаются как целые. То есть, когда мы мыслим целое в движении и покое относительно своих частей, мы мыслим его как часть относительно части, и наоборот.

Попробуйте помыслить собаку относительно ее ноги: вы помыслите собаку без ноги относительно ноги без собаки, или Собаку относительно Ноги. Мою руку относительно твоей ноги я мыслю как себя относительно тебя, а единицу относительно тройки – как единицу без тройки к тройке без единицы: в любом случае вместо отношения частей к целому у нас получается лишь отнесение одного к иному. Точно так же мы не можем помыслить и какую-то определенность, часть, одно – относительно единого: получится то же самое одно относительно иного.

Вещь движется относительно другой вещи, та относительно нее покоится, при этом как одно и иное они суть порождения единого и части целого. Часть движется относительно части, та относительно ее покоится: часть № 2 в своем покое сливается с целым, а часть № 1 в своем движении предстает как единое. Часть, в своем движении выделившаяся из целого, представляет собой одно без иного – т. е. единое; часть, в своем покое оставшаяся в целом, в отсутствие другой части этим целым и предстает.

Часть целого движется относительно другой части целого: целое становится собственной частью и сливается с другой частью, которая покоится, оставаясь собой. Часть движется относительно части, та относительно нее покоится, как и все целое, неотличимое теперь от этой покоящейся части, и в то же время отличное от нее: целое выступает как целое само по себе, и как целостность – т. е. как целое частей. Часть целого как одно движется относительно другой части целого как иного, которая покоится, тождественная целому в его целостности, и все это происходит в рамках целого как такового.

Относительно единого одно не движется и не покоится: единое – это не что иное, как одно, взятое без иного. Беря одно к единому, мы ставим одно и единое в отношения одного и иного, причем одно мы оставляем одним, а единое делаем иным. Одно движется относительно иного, которое относительно него покоится, и наоборот; но в качестве иного у нас единое, а единое – это одно без иного. Значит, одно движется относительно одного – т. е. самого себя, которое покоится относительно одного – т. е. себя же. Одно движется относительно единого, которое суть одно, а единое покоится относительно одного: в едином тесновато – иначе говоря, оно столь же безначально, сколь целое бесконечно; при этом и здесь можно развести единое и единственность.

Часть движется относительно другой части, та относительно нее покоится, при этом целое, оставаясь бесконечным, оконечивается, сливаясь с частью № 2 – т. е. иным, и представляя покоящимся относительно части № 1. Таким образом, целое как бесконечное (неопределенное целое само по себе) не движется и не покоится относительно своих частей – это они движутся и покоятся в нем. Взятое же как оконеченное и отождествленное с иным (как целое частей, целостность), целое покоится относительно одного.

Одно движется относительно единого как иного, которое есть одно без иного. Иначе говоря, чтобы одно двигалось относительно иного, единое должно быть и единым, и одним, породить из себя одно, обращаясь в единственность. Одно будет двигаться относительно единого как иного, оставаясь в то же время единым: единое как одно будет двигаться относительно себя как иного, а само как иное будет покоиться относительно одного – т. е. себя без иного. Единое должно быть и собой, и одним, и иным; функция генерации принадлежит ему по праву. Как таковое, оно движется и покоится по отношению к одному и иному (а они не движутся и не покоятся относительно него); получая же свой предел в начале (взятое как одно), оно движется относительно иного.

Наша реальность такова, что раз что-то движется, значит, его что-то движет: движение имеет свое начало в движущем и конец в движущемся. Движение предполагает движущееся как движимое и недвижимое как движущее. Движущее двигает движущееся, при этом движущее должно покоиться по отношению к движущемуся,

движущееся – двигаться относительно движущего. Скажем, тянет лошадь телегу. Лошадь – движущее, телега – движущееся: каким образом они будут двигаться и покоиться друг относительно друга?

Как единое, лошадь и телега движутся относительно покоящейся дороги; но здесь исчезло движение между телегой и лошастью (равно как и покой). Эта дорога всегда уводит нас в бесконечность; так оконечим ее прямо здесь и сейчас, тележным колесом и лошадиным хвостом. В этом случае получаем: если телега движется относительно лошади, то лошадь относительно нее покоится, если лошадь движется относительно телеги, то та, в свою очередь, покоится относительно лошади. Покоящаяся относительно телеги лошадь движет движущуюся относительно лошади телегу, а движущаяся относительно телеги лошадь покоит покоящуюся относительно лошади телегу.

Для того чтобы двигать движимое, движущее должно покоиться относительно него как движущегося и двигаться относительно него как покоящегося, причем все это должно происходить у нас одновременно. Лошадь, тянущая телегу, стоит, когда телега движется, и идет, когда телега стоит. Лошадь должна одновременно стоять и идти, а телега – ехать и стоять: движение лошади суть покой телеги, а покой телеги есть движение лошади. Движение есть покой, а покой есть движение: одновременно, но в разных отношениях – движение одного в отношении иного есть покой иного в отношении одного.

Лошадь у нас – это лошадь телеги, а телега – телега лошади; так что же это такое само по себе? Что выступает как телега по отношению к лошади и как лошадь по отношению к телеге?

Назовем это целое «повозкой»: тогда лошадь повозки и телега повозки будут движущим повозки и движущимся повозки. Повозка движет и движется, стоит и едет; она движет тем, что движется, и покоит тем, что покоится. Но сама повозка как целое относительно своих частей не движется и не покоится, как, впрочем, не движет и не покоит в обычном смысле слова: она движет не части, а частями, и покоит так же. Повозка движет лошастью и движется телегой, но в этой ситуации «движет» равнозначно «покоится», а «движется» – «покоит»: действие и страдание в целом тождественны. Целое движет не «что», а «чем»: я не двигаю свою руку – я двигаю своей рукой.

Движение лошади на уровне повозки тождественно покою телеги, и наоборот: противоречие частей снимается в целом, где движение есть покой, а покой есть движение, ибо здесь нет ни того, ни другого. Итак, движущее движет недвижимое, а движущееся движется недвижимым; при этом движущее покоится относительно движущегося движимого и движется относительно покоящегося движимого. Колеса машины покоятся относительно движущегося бампера машины и движутся относительно покоящегося бампера машины (как оно обычно и происходит; первый же случай скорее живописует картину дорожной аварии). Машина же движет колесами и производит покой бампером – последние предстают как части машины как целого. Движущее движет движимое относительно себя как недвижимого и покоится относительно движущегося как движимого, а движущееся движется относительно недвижимого движущего и покоится относительно движущегося движущего: колеса движутся относительно покоящегося мотора (т. е. мотор покоится относительно их движения) и стоят относительно движущегося мотора (т. е. колеса покоятся относительно его движения).

Итак, целое движет и покоит частями; части, т. е. одно и иное, движут и движимы, покоят и покоены – друг друга и друг другом: одно движет покоем иного, иное покоится движением одного; а что с единым? Двигать частями оно не может – у него их нет; двигать иное и быть движимым им ему тоже не под силу – оно не одно; но оно движет одно и иное из себя вовне. Единое движет «что», целое движет «чем», а одно-иное движет «что» и движется «чем» – ему одному знакомы и действие, и страдание. Целое движет как цель, единое – как причина; что же касается движения/покоя между одним и иным, то, вспоминая Аристотеля, его можно описать через целевую причину (либо причинную цель).